ДБ
60
М76

Молчанов М.
„Вл. Мономах и его время"
М. 1905

А. Шнейдеръ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА ОБЩЕСТВА
РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

ЭБ
60
М76

Владимиръ Мономахъ
и ЕГО ВРЕМЯ.

Съ рисунками и картою.

Ц. 15 к.

Составилъ М. И. Молчановъ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

М. Н. Пр. ДОПУЩЕНЫ въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Составлены подъ редакціей

Истор. Ком. Учебн. Отд. Общ. Распр. Техн. Зн.

Въ художественной части принимаетъ ближайшее участіе

Н. А. КАСАТКИНЪ.

ОТПЕЧАТАНЫ СЛѢДУЮЩІЕ ТРИ ЛИСТА:

1) **Начало Руси.**
2) **Первые князья.**
3) **Крещеніе Руси.**

Цѣна каждаго листа 25 коп.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Истор. Комиссія Учебн. Отд. Общ. Распростр. Техн. Знаній

2Б
60
М76

ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ

и

ЕГО ВРЕМЯ.

Съ 8 рисунками и картою.

СОСТАВИЛЪ

М. И. Молчановъ.

Изданіе И. Д. СЫТИНА.

5D3/3

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., собствен. домъ.

МОСКВА.—1905.

Дозволено цензурою. Москва, 24 іюня 1904 г.

Гос. Историч. Науч. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 468738
193 г.

I.

Давно это было, уже болѣе 800 лѣтъ назадъ. Тогда на Руси многое дѣлалось не такъ, какъ дѣлается въ наше время, были свои порядки, не похожіе на наши теперешніе. Мы, напримѣръ, составляемъ теперь одно нераздѣльное русское государство, во главѣ котораго стоитъ царь, управляющій всѣмъ народомъ. Въ тѣ времена у насъ не было еще единаго, цѣлаго государства; вся Русь дѣлилась на нѣсколько отдѣльныхъ „земель“, или княжествъ, а въ каждомъ княжествѣ былъ свой князь. Были, напримѣръ, княжества: Кіевское, Новгородское, Черниговское, Рязанское, Переяславское и другія. А какъ всѣ князья шли изъ одного рода — Рюрика (перваго русскаго князя), то и вся русская земля, всѣ ея княжества были въ рукахъ не одного князя, а въ рукахъ цѣлаго княжескаго рода Рюриковичей. Рюриковичи же, по тогдашнему обычаю, только дѣлили между собою русскую землю, и часть земли, доставшаяся каждому изъ нихъ, становилась княжествомъ. Сколько налицо было князей родичей, столько и было княжествъ. Гдѣ теперь городъ Кіевъ, тамъ было Кіевское княжество, гдѣ Новгородъ,—тамъ Новгородское, гдѣ Черниговъ,—тамъ Черниговское и т. д.

Одно княжество было богаче, славнѣе и лучше другихъ, — то было Кіевское княжество по среднему теченію рѣки Днѣпра, прозывавшееся великимъ княже-

Государственная публичная

ствомъ, а князь, въ немъ сидѣвшій, считался старше другихъ и назывался великимъ княземъ.

Въ то время, про которое идетъ разсказъ, т.-е. 800 лѣтъ назадъ, въ Кіевскомъ княжествѣ княжилъ одинъ изъ сыновей Владимира Святого, Ярославъ, за свою справедливость къ народу и большой умъ прозванный Мудрымъ. Этому князю удалось собрать подъ свою руку и въ свое владѣніе почти всю тогдашнюю Русь. Но такъ было недолго. По обычаю того времени, какъ скоро у князя были взрослые сыновья, то каждый изъ нихъ еще при жизни отца получалъ извѣстную волость (княжество) въ управленіе и становился княземъ. Такъ было и при Ярославѣ Мудромъ. Незадолго до своей смерти (умеръ онъ въ 1054 году) онъ призвалъ своихъ сыновей и далъ имъ на словахъ такое завѣщаніе: „Отхожу я уже изъ этого міра, дѣти мои! Да будетъ между вами любовь: вы—родные братья, дѣти одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви и согласіи между собою, то Богъ будетъ съ вами, если же будете жить въ ненависти и распряхъ, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ вашихъ и дѣдовъ, которую пріобрѣли они съ большимъ трудомъ. Живите мирно, слушайте братъ брата. Назначаю Кіевъ старшему сыну моему и брату вашему

Ярославъ Мудрый.

Изяславу. Слушайте его, какъ слушали меня, пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто отца. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Игорю—Владимиръ (Волынскій), Вячеславу—Смоленскъ" Раздѣливъ такъ землю Русскую между своими сыновьями, Ярославъ заповѣдалъ имъ не отбивать другъ у друга областей, при чемъ сказалъ старшему Изяславу, что если кто будетъ обижать другого, то онъ пусть помогаетъ обиженному.

Но недолго русскіе князья жили спокойно, въ мирѣ между собою. Этому мѣшало то, что князей со временемъ становилось все больше и больше. Потомство Ярослава разрасталось; рядомъ съ его сыновьями становились внуки, и каждому изъ нихъ хотѣлось получить во владѣніе какую-нибудь волость или княжество; и чѣмъ лучше было княжество, богаче и славнѣе, тѣмъ сильнѣе каждый добивался его. Столы же княжескіе въ то время занимались не такъ, какъ въ наше время. Теперь у насъ государь передаетъ власть своему старшему сыну, который и владѣетъ престоломъ до своей смерти. А въ то время старшій братъ, великій князь, владѣлъ главнымъ столомъ, Кіевомъ, а младшіе братья владѣли другими волостями по старшинству. Но ни старшій братъ, великій князь, ни всѣ прочіе князья не владѣли своими волостями вѣчно, не передавали ихъ своимъ дѣтямъ, но когда умиралъ старшій, или великій князь въ Кіевѣ, то его мѣсто заступалъ не старшій его сынъ, а братъ; на мѣсто же этого брата долженъ былъ садиться слѣдующій за нимъ по старшинству; и такъ всѣ князья передвигались по старшинству изъ одной волости въ другую, изъ худшихъ волостей въ лучшія, а худшія должны были доставаться уже слѣдующему поколѣнію—племянникамъ, которые, по смерти своихъ дядей, также должны были передвигаться по старшинству;

за ними должно было итти третье поколѣніе, троюродные и т. д. Всѣ эти родичи и добивались каждый стола. Благодаря этому Русская земля, подѣленная между сыновьями Ярослава, стала дѣлиться все бо́льше и больше, такъ что каждый чѣмъ-нибудь замѣчательный городъ съ его землею могъ имѣть своего князя и быть княжествомъ. Но дѣло извѣстное, что въ большихъ семьяхъ между близкими родственниками бываютъ большіе споры и ссоры, особенно когда пойдетъ рѣчь объ имѣньи; такъ и у князей тогда постоянно шли споры о волостяхъ, гдѣ кому сидѣть, кому какою волостью владѣть. Чѣмъ больше становилось родичей, тѣмъ труднѣе было разобраться кто куда долженъ итти княжить. А тутъ еще и горожане вмѣшивались въ порядокъ княженія. Умретъ въ какомъ-нибудь городѣ князь, соберутся жители на сходку, какъ тогда называлось—на вѣче, и рѣшаютъ, какого имъ князя звать на столъ. Случалось, иного князя не пускали къ себѣ, и тотъ долженъ былъ силой занимать городъ, если могъ. Случалось уже сѣвшаго на столъ вѣче прогоняло и на его мѣсто звало другого.

„По-старинѣ“ было такъ, что старшій, болѣе почетный столъ занимался старѣйшимъ родичемъ, а остальные столы занимались по порядку болѣе младшими князьями. Кіевскій князь, прозывавшійся великимъ княземъ, какъ старшій, наблюдалъ, чтобы младшіе не поднимали бури, а жили въ мирѣ и согласіи. Но не всегда было такъ. Младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока онъ поступалъ съ ними по любви, какъ отецъ; а какъ увидятъ, что старшій, или великій князь хочетъ больше добра сдѣлать своимъ ближнимъ родственникамъ, сыновьямъ, старается дать имъ получше княжество, а другихъ, болѣе старшихъ, забываетъ, тогда начинаются крики о жестокой обидѣ; князья берутся за оружіе.

„Ты намъ братъ старшій,—говорили они великому князю, — но если ты насъ обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будемъ искать ихъ“; или говорили: „Онъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣетъ жить“. Позднѣе одинъ старшій князь, разсердившись за непослушаніе на младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей. Тогда тѣ послали сказать ему: „Ты насъ гонишь изъ Русской земли безъ нашей вины. Мы до сихъ поръ чтили тебя, какъ отца, по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми“, и послѣ этого пошли на него войною, чтобы отстоять свои княжества.

Напротивъ, когда великій князь былъ хорошъ и добръ по отношенію къ младшимъ князьямъ, каковъ былъ, напримѣръ, внукъ Ярослава Мудраго, Владиміръ Мономахъ, тогда эти младшіе князья почтительно относились къ великому князю; если старшій спрашивалъ, напримѣръ, совѣта у младшаго, то тотъ считалъ это для себя честью и говорилъ: „Братъ! Ты меня старше; какъ рѣшишь, такъ пусть и будетъ, я готовъ исполнять твою волю; если же ты дѣлаешь мнѣ честь, спрашиваешь моего мнѣнія, то я бы такъ думалъ“, и проч.

Значитъ, мирно и спокойно жилось бы на Руси, если бы старшіе князья все дѣлали по правдѣ, не обижали младшихъ, а младшіе не затѣвали споровъ и ссоръ между собою. Одинъ князь пойдетъ, напримѣръ, на другого войною, побѣдитъ его и выгонитъ изъ хорошей волости; а тотъ, конечно, не можетъ остаться въ покоѣ, ищетъ перваго удобнаго случая, чтобы отомстить за свою обиду и добыть себѣ волость. Иногда также случалось, что младшій племянникъ, болѣе умный и храбрый, перенимаетъ на себя старшинство

и садится княжить на мѣсто своего дяди; но этому противятся другіе князья,—говорятъ, что дѣло идетъ не по обычаю, не по-старинѣ, что младшему нельзя дать старшинства,—и опять начинается междоусобная война. Кто одолѣетъ въ войнѣ, тотъ и занимаетъ княжество. Вслѣдствіе же этихъ междоусобій, изгнаній и передвиженій князей изъ волости въ волость, счеты о томъ, кто старше, кто моложе перепутываются, и отъ этого новые споры, новыя междоусобія.

Между тѣмъ отъ этихъ постоянныхъ войнъ и междоусобій князей горько доставалось русской землѣ и русскому народу. Въ одной старинной пѣснѣ, которая называется „Словомъ о полку Игоревѣ“ (т.-е. о походѣ князя Игоря), такъ говорится про тогдашнюю вражду и усобицы князей: „Тогда Русская земля сѣялась и росла усобицами; въ княжьихъ крамолахъ коротался вѣкъ людской. Тогда по Русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, да разговаривали галки, сбираясь летѣть на добычу“.

Такъ, не прошло еще и двадцати лѣтъ по смерти Ярослава Мудраго, какъ кіевляне поссорились съ сыномъ его, великимъ княземъ Изяславомъ. Два младшіе брата его, Святославъ и Всеволодъ, воспользовались этимъ и выгнали изъ Кіева своего старшаго брата. Великимъ княземъ сдѣлался Святославъ, а послѣ его смерти—Всеволодъ. Онъ взялъ себѣ всѣ волости русскія, посадилъ сына своего Владимира въ Черниговѣ, а племянника своего Олега Святославовича вывелъ изъ города Владимира Волынскаго и не далъ ему никакого княжества. И другіе младшіе осиротѣвшіе князья не получили волостей отъ Всеволода. Оттого-то княженіе Всеволода въ Кіевѣ прошло въ безпрерывныхъ войнахъ съ обездоленными князьями. Эти князья тутъ же,

съ помощью вольныхъ инородческихъ дружинъ, берутся за оружіе и ведутъ борьбу со Всеволодомъ, добиваясь своихъ волостей. Но Всеволодъ хотѣлъ всѣ русскія земли соединить подъ одною своею властью, и потому въ борьбѣ съ младшими князьями не разбиралъ никакихъ средствъ: онъ прибѣгалъ къ насилію, хитрости, къ помощи грековъ и степныхъ дикихъ кочевниковъ. Долго боролся Всеволодъ и все-таки долженъ былъ немного уступить и надѣлить своихъ племянниковъ хотя кое-какими землями. Однихъ только Святославовичей, дѣтей своего брата, онъ оставилъ безъ пріюта и никакъ не хотѣлъ уступить имъ ихъ отцовской земли,—отчины, какъ тогда говорили, Черниговскаго княжества. Изъ-за этого-то и вставали враждовать и воевать Святославовичи, и особенно одинъ изъ нихъ—Олегъ Святославовичъ, наиболѣе предпріимчивый и храбрый князь.

II.

Однако не всѣ такіе князья были въ то время. Были между ними и такіе, которые думали не только о себѣ самихъ, но и для всей Русской земли старались сдѣлать побольше добра и пользы. Такимъ княземъ былъ внукъ Ярослава, Владиміръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ (слово это греческое и значитъ по-русски: единоборецъ *). Это былъ человѣкъ, какихъ немного.

Современники считали его образцовымъ, безупречнымъ княземъ южно-русскимъ; въ пѣснѣ о полку Игоревѣ ему приписываются всѣ лучшія качества княжескія. Мы же судимъ о Мономахѣ по лѣтописи и по

---

*) Мать Владимира была дочь греческаго императора Константина Мономаха.

его собственному поученію, оставленному въ назиданіе дѣтямъ. Много говорилъ о себѣ Мономахъ въ этомъ поученіи, и ясно видимъ мы, что̀ цѣнитъ онъ въ самомъ себѣ,—а цѣнитъ онъ то, что всегда свято соблюдалъ старину, обычаи предковъ, завѣты дѣда своего, Ярослава; не нарушалъ онъ правъ старшаго, князей младшихъ держалъ въ строгости и правдѣ, заботился о землѣ родной, а не о себѣ самомъ.

Вообще поученіе Мономаха — замѣчательное произведеніе. Для своего времени Мономахъ былъ очень образованъ, и потому его поученіе особенно драгоцѣнно. Мы узнаемъ изъ него, какъ смотрѣли тогда лучшіе люди на вѣру, на ближняго своего, на хозяйство, на княженіе и многое другое. Въ этой книжкѣ будетъ разсказано все, что говоритъ Мономахъ о своей жизни, а поученіе сыновьямъ такъ хорошо, что жаль изъ него слово выкинуть.

Вотъ эта часть почти цѣликомъ.

Завѣщаніе Мономаха.

„Дѣти мои или кто другой,—говоритъ Мономахъ,—прочитавши эту грамоту, не осудите и не смѣйтесь, а примите ее въ сердце.

„Дѣти, ради Бога, не лѣнитесь, не тяжка заповѣдь Божія: слезы и милостыня—вотъ все, что спасетъ васъ. Ни одиночество, ни монашество, ни голодъ, что другіе добрые люди терпятъ, для этого не нужны.

Самое главное не забывайте убогихъ, но, сколько можно, по силѣ кормите; и сироту и вдовицу оправдайте сами, а не позволяйте сильнымъ погубить человѣка.

„Ни праваго ни виноватаго не убивайте и не дозволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти: не погубите ни одной души христіанской.

„Въ разговорѣ, что бы вы ни говорили, никогда не клянитесь Богомъ: нѣтъ въ этомъ никакой нужды; когда придется вамъ крестъ поцѣловать къ братьѣ, то цѣлуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и, разъ поцѣловавши,—берегитесь, чтобъ не погубить души своей.

„Болѣе всего—не имѣйте гордости въ своемъ умѣ и сердцѣ: всѣ мы смертны, сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что намъ дано, не наше, а поручено намъ на мало дней, и въ землѣ не хороните сокровищъ,—то великій грѣхъ.

„Старыхъ почитайте, какъ отца, молодыхъ, какъ братьевъ.

„Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами, какъ дѣло идетъ, и тогда будетъ порядокъ, и приходящіе не посмѣются ни дому вашему ни обѣду вашему.

„На войну вышедъ, не лѣнитесь: не надѣйтесь на воеводъ, не проводите много времени за ѣдой и спаньемъ. Сами наряжайте стражу и ночью, все устроивъ, спите около воиновъ и раньше всѣхъ вставайте. Оружія не снимайте съ себя.

„Когда путешествуете по своимъ землямъ и чужимъ, не дозволяйте слугамъ вашимъ обижать жителей ни въ селахъ ни на поляхъ, чтобы послѣ васъ не проклинали.

Если гдѣ остановитесь въ походѣ, напойте и накормите хозяина, а не обижайте его, болѣе всего чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ, будетъ онъ простой человѣкъ или знатный; если не можете одарить его, то хоть напойте и накормите его: гости мимоходомъ разнесутъ по всѣмъ землямъ злую или добрую молву о человѣкѣ.

„Больного навѣстите; мертвыхъ провожайте: мы и сами смертны. Не пропустите ни одного человѣка, не

поздоровавшись, всякому скажите доброе слово. Женъ своихъ любите, но не давайте имъ власти надъ собою.

„Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь,—отецъ мой, сидя дома, зналъ пять языковъ; лѣность — мать всякаго порока. Съ нею человѣкъ забудетъ и то, что умѣетъ, а чего не умѣетъ, тому не научится. Не будьте лѣнивы ни на какое доброе дѣло“.

Далѣе Мономахъ разсказываетъ дѣтямъ своимъ о трудахъ своихъ и походахъ. „Всѣхъ моихъ походовъ,— говоритъ онъ,—было 83, а другихъ, меньшихъ, и не припомню. Двадцать разъ безъ одного заключалъ я съ половецкими князьями миръ, при отцѣ и безъ отца, и давалъ имъ много отъ себя скота и платьевъ; пустилъ же изъ оковъ болѣе 100 ихъ лучшихъ князей.

„Самъ я дѣлалъ все, что нужно, не надѣялся ни на воеводъ ни на судей; ни земледѣльца ни убогой вдовицы не далъ я въ обиду сильнымъ. Не осудите, дѣти мои или, если прочтетъ, кто другой: я не думаю хвастать, а только благодарю Бога, что Онъ меня сохранилъ столько лѣтъ и создалъ меня не лѣнивымъ, а способнымъ на всякое человѣческое дѣло“.

И многому другому поучалъ дѣтей своихъ мудрый и милостивый князь, наказывая имъ жить такъ, какъ жилъ самъ.

Рано онъ обучился грамотѣ, что не часто случалось въ тѣ времена даже въ княжескихъ семействахъ, и охотно посвящалъ свободное время чтенію разныхъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія. Все время онъ жилъ при отцѣ—Всеволодѣ—и съ самаго ранняго возраста сталъ ходить съ отцомъ своимъ на войну и на ловлю дикихъ звѣрей. Въ тѣ времена было множество непроходимыхъ лѣсовъ, и въ нихъ водились лютые звѣри: медвѣди, дикіе лошади и быки,

Мономахъ на охотѣ.

вепри, рыси и волки. Охота на нихъ была трудной и считалась подвигомъ. Звѣриная ловля въ то время имѣла большое значеніе: шкурами и мѣхами русскіе люди вели большой торгъ съ другими народами. Охота была къ тому же и любимымъ занятіемъ князей. Владимиръ Мономахъ отличался храбростью, и жизнь его не разъ подвергалась на охотѣ опасности. Дикихъ коней, какъ онъ самъ говоритъ въ поученіи своимъ дѣтямъ, вязалъ онъ живыхъ своими руками. Быкъ лѣсной не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топталъ ногами, вепрь (кабанъ) однажды оторвалъ ему на боку мечъ, медвѣдь прокусилъ одежду, волкъ повалилъ его вмѣстѣ съ лошадью.

Будучи такимъ отважнымъ на охотѣ, Владимиръ Мономахъ такимъ же храбрымъ былъ и на войнѣ и много помогалъ своему отцу при его столкновеніяхъ съ другими князьями. А за свою доброту и щедрость онъ былъ любимымъ княземъ не только въ своей Черниговской волости, но и въ чужихъ; особенно его любили кіевляне, гдѣ онъ чаще бывалъ. Владимиръ былъ со всякимъ ласковъ и обходителенъ, отличался гостепріимствомъ. Дружинники его получали большое жалованье и подарки, но грабить простой народъ они не смѣли, потому что за всѣми слѣдилъ зорко самъ князь.

Когда великій князь кіевскій Всеволодъ скончался, сыну его, Владимиру Мономаху, шелъ сорокъ первый годъ, и онъ, какъ мы сказали, княжилъ въ Черниговѣ, въ отчинѣ князей Святославовичей. Во время смерти и погребенія отца Мономахъ находился въ Кіевѣ. И онъ уже настолько былъ извѣстенъ кіевлянамъ по своимъ добрымъ качествамъ, что ему не трудно было сдѣлаться великимъ княземъ: кіевляне съ радостью приняли бы его на свой столъ. Но Владимиръ не захотѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ и овладѣть

Кіевомъ. Старше его былъ въ то время Святополкъ, сынъ старшаго дяди, ему и слѣдовало тогда сѣсть на великое княженіе. Владимиръ зналъ, что, не уступи онъ княженія Святополку, отъ этого произойдетъ опять междоусобная война. „Если сяду я на мѣсто отца моего,—раздумывалъ Мономахъ,—то придется воевать со Святополкомъ, потому что престолъ былъ прежде у его отца“. Подумавши такъ, онъ послалъ къ Святополку, княжившему въ Туровѣ, звать его на кіевское княженіе, а самъ остался въ Черниговѣ. Святополкъ пришелъ и принятъ былъ кіевлянами.

Не прошло и года, по вокняженіи въ Кіевѣ Святополка, какъ Олегъ Святославовичъ, остававшійся все это время безъ волости, началъ опять упорную и продолжительную войну, чтобы воротить себѣ свою отчину — Черниговское княжество. Пригласивши себѣ на подмогу дикихъ кочевниковъ половцевъ, Олегъ осадилъ Черниговъ, въ которомъ заперся Мономахъ. Окрестности города и монастыри были выжжены. Восемь дней билась съ половцами дружина Мономаха— и не пустила ихъ въ городъ. Наконецъ Мономахъ пожалѣлъ христіанской крови, горящихъ селъ и монастырей и, сказавъ: „Пусть не хвалятся поганые“ *) (половцы), добровольно уступилъ Олегу Святославовичу столъ отца его, а самъ пошелъ на столъ своего отца въ Переяславль.

Однако, тѣмъ междоусобіе не кончилось. Олегъ пошелъ въ Муромъ, который прежде принадлежалъ также его отцу и которымъ завладѣлъ сынъ Мономаха—Изяславъ. Между ними произошла сѣча, въ которой Изяславъ былъ убитъ. Олегъ пошелъ дальше на Суздаль и Ростовъ, а противъ него двинулся старшій сынъ Мономаха — Мстиславъ. Мстиславъ послалъ сказать

---

*) Погаными русскіе называли всѣхъ неправославныхъ.

Олегу: „Иди изъ Суздаля въ Муромъ, а въ чужомъ городѣ не сиди. Хоть ты и убилъ брата моего, что же дѣлать! Я пошлю къ отцу своему и помирю тебя съ нимъ“. Но Олегъ не уступилъ. Онъ взялъ Суздаль и жестоко поступилъ съ его жителями: однихъ взялъ въ плѣнъ, другихъ разослалъ по городамъ и отнялъ ихъ имущество. Ростовцы сдались Олегу сами. Олегъ хотѣлъ было уже итти и на Мстислава въ Новгородъ, но былъ разбитъ новгородцами. Зажегши Суздаль, Олегъ бѣжалъ въ Муромъ. Мономахъ, желая прекратить усобицу, написалъ Олегу дружелюбное письмо, склоняя его къ миру.

„Если захочешь помириться, то напиши мнѣ грамоту съ клятвой и пришли ее съ посломъ или съ попомъ, тогда и волость свою (Черниговъ) возьмешь, и сердце наше обратится къ тебѣ, и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде; я тебѣ не врагъ и не мститель“.

Такъ писалъ Мономахъ Олегу. Помирившись съ нимъ, Мономахъ захотѣлъ примирить и всѣхъ другихъ князей, враждовавшихъ между собою и разорявшихъ Русскую землю. Для этого онъ созвалъ князей на съѣздъ. Олегъ Святославовичъ также согласился явиться на общій совѣтъ. И вотъ на слѣдующій же годъ, въ 1097 году, въ г. Любечѣ *) съѣхались „на устроенье мира“ князья Святославовичи — Олегъ, Давидъ и Ярославъ, кіевскій Святополкъ и Владимиръ Мономахъ, волынскій князь Давидъ Игоревичъ и князья Ростиславовичи — Володарь и Василько. Съ ними были ихъ дружинники и люди ихъ земель. Всѣмъ дѣломъ заправлялъ Владимиръ Мономахъ. Вставши на берегу рѣки Днѣпра, князья говорили: „Зачѣмъ губимъ Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? А дикіе враги, половцы, разоряютъ нашу землю и рады,

*) Теперь мѣстечкс Черниговской губерніи.

Съѣздъ князей для полюбовнаго разрѣшенія споровъ между ними.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 468738
193 г.

что между нами идутъ усобицы; теперь же съ этихъ поръ станемъ жить дружно и соблюдать Русскую землю". Кромѣ князей Ростиславовичей, тутъ были всѣ двоюродные братья, внуки Ярославовы; урядиться и уладиться имъ было легко: стоило только раздѣлить между собою волости точно такъ же, какъ онѣ были раздѣлены между ихъ отцами. Вся вражда пошла изъ-за того, что Святославовичамъ не дали ихъ отцовскихъ волостей, на которыя они имѣли полное право по старшинству. И вотъ здѣсь, на съѣздѣ, князья, посовѣтовавшись между собою, и рѣшили, что пусть каждый изъ нихъ владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ его отецъ. Такъ и было сдѣлано: всѣ остались при прежнихъ своихъ владѣніяхъ—отчинахъ; Святославовичамъ также отдана была ихъ родовая черниговская земля. Всѣ цѣловали крестъ на томъ, что если кто-нибудь изъ князей поднимется на другого, то всѣ встанутъ на зачинщика. И всѣ повторяли: „Крестъ честный на него и вся земля Русская". Послѣ этого князья поцѣловались по-братски и разъѣхались по домамъ.

Но миръ этотъ, къ которому такъ стремился Мономахъ, былъ непродолжителенъ. Вскорѣ совершилось кровавое злодѣяніе между тѣми же самыми князьями, которые клялись въ мирѣ на съѣздѣ въ Любечѣ. Одинъ изъ нихъ, князь Давидъ, имѣлъ въ Волынской землѣ волость въ сосѣдствѣ съ волостью двоюроднаго своего племянника—князя Василька. Юный князь Василько доблестями своими походилъ на Мономаха. Храбрый, благородный, прямой, онъ не имѣлъ никакихъ корыстныхъ замысловъ противъ другихъ князей. Давидъ же, подозрительный, завистливый и корыстный, былъ заклятымъ врагомъ Василька и давно хотѣлъ напасть на него и отнять у него его волость, но не рѣшался на это, страшась Владимира Мономаха и другихъ князей, только что заключившихъ миръ въ Любечѣ.

И задумалъ онъ коварное злодѣяніе. Возвращаясь вмѣстѣ съ великимъ княземъ кіевскимъ Святополкомъ изъ Любеча въ Кіевъ, Давидъ сталъ наговаривать ему на Василька, увѣряя, что этотъ князь убилъ брата Святополкова Ярополка, а теперь вмѣстѣ съ Владимиромъ Мономахомъ онъ злоумышляетъ на нихъ. Святополкъ смутился, не зналъ — вѣрить или нѣтъ; онъ отвѣчалъ Давиду: „Если правду говоришь, то Богъ тебѣ будетъ свидѣтель, если же изъ зависти, то Богъ тебѣ судья“. Давидъ же твердилъ великому князю: „Если мы не схватимъ Василька, — и тебѣ не будетъ великаго княженія и мнѣ на Волыни не княжить“. Случилось такъ, что Василько на этотъ разъ возвращался изъ Любеча къ себѣ домой. Отправивъ свой обозъ впередъ, онъ остановился невдалекѣ отъ Кіева, въ Выдубицкомъ монастырѣ помолиться. Натравленный Давидомъ, Святополкъ на другой день утромъ отправилъ къ Васильку пословъ звать его къ себѣ на именины (8-го ноября; Святополка звали Михаиломъ). Но Василько спѣшилъ домой и не соглашался остаться въ Кіевѣ. Тогда Давидъ сказалъ Святополку: „Видишь, не хочетъ тебя знать, находясь въ твоей волости; что же будетъ, когда придетъ въ свою землю? Увидишь, что займетъ твои города. Тогда помянешь меня, да будетъ поздно; созови кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ“. Святополкъ вторично послалъ сказать Васильку, чтобы тотъ заѣхалъ къ нему хоть на самое короткое время, повидаться со своими дядьями и вмѣстѣ побѣсѣдовать. Тогда Василько согласился, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Кіевъ. Одинъ изъ слугъ, встрѣтивъ Василька на дорогѣ, сказалъ ему: „Не ѣзди, князь, — тебя хотятъ схватить“. Но Василько не повѣрилъ ему и сказалъ въ отвѣтъ: „Мы цѣловали крестъ и клялись стоять другъ за друга“, затѣмъ, немного подумавъ, перекрестился и поѣхалъ къ великокняжескому

двору. Святополкъ встрѣтилъ его съ честью и усадилъ въ лучшей горницѣ. Вскорѣ пришелъ къ нимъ и Давидъ. Всѣ сѣли. Давидъ молчалъ. „Оставайся у меня на праздникъ“, сказалъ Святополкъ Василько. „Не могу, братъ, — отвѣчалъ тотъ, — я уже отослалъ свой обозъ впередъ“. — „Ну, такъ позавтракай съ нами“, сказалъ Святополкъ. Василько согласился. Тогда Святополкъ сказалъ: „Посидите здѣсь, а я пойду и велю кое-что приготовить“. Василько остался съ Давидомъ и сталъ было вести разговоръ съ нимъ, но Давидъ молчалъ, какъ будто ничего не слышалъ. Наконецъ, Давидъ спросилъ слугъ: „Гдѣ братъ?“ — „Стоитъ въ сѣняхъ“, отвѣчали ему. „Я пойду за нимъ, а ты, братъ, посиди“, сказалъ онъ Василько и вышелъ. Только что онъ вышелъ, какъ вдругъ вбѣжали въ горницу люди и заковали Василька въ двойныя оковы, заперли двери и приставили стражу. Такъ прошла ночь. На другой день утромъ Святополкъ созвалъ кіевлянъ на совѣтъ; онъ обвинялъ Василька въ измѣнѣ, ссылаясь на Давида. Игумены стали упрашивать Святополка отпустить плѣненнаго князя, но Давидъ продолжалъ стращать Святополка тѣмъ, что онъ лишится престола, и требовалъ себѣ Василька на ослѣпленіе. Святополкъ колебался, но потомъ поддался Давиду и согласился на жестокое злодѣяніе. Въ слѣдующую же ночь Василька въ оковахъ повезли въ Бѣлгородъ и ввели въ небольшую избу. Василько со страхомъ увидалъ, что ѣхавшій съ нимъ овчаръ (изъ дикаго племени торковъ) сталъ точить ножъ, догадался въ чемъ дѣло, началъ кричать и взывать къ Богу съ плачемъ. Въ избу вошли двое конюховъ: одинъ Святополковъ, по имени Сновидъ, другой Давидовъ — Димитрій. Они положили на полъ коверъ, схватили Василька и хотѣли повалить его на коверъ. Василько началъ бороться съ ними и боролся такъ крѣпко, что

они должны были призвать къ себѣ на помощь другихъ. Поваливъ и связавъ Василька, сняли съ печи доску и положили ее ему на грудь, а по концамъ ея сѣли Сновидъ и Димитрій и все-таки не могли удержаться; взяли еще доску; на нее сѣли еще двое и такъ сдавили Василька, что грудь его трещала. Подошелъ тогда Святополковъ овчаръ, ударилъ ножомъ въ глазъ Василька и выкололъ его; потомъ выкололъ и другой. Василько обезпамятѣлъ и лежалъ, какъ мертвый. Обернули его въ коверъ, положили на телѣгу и привезли въ городъ Вздвижень. Здѣсь остановились у попа, сняли съ Василька окровавленную рубашку и отдали ее вымыть попадьѣ. Пока обѣдали, попадья вымыла рубашку, надѣла на князя и плакала надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Очнулся Василько и закричалъ: „Гдѣ я?“— „Въ городѣ Вздвиженѣ“, отвѣчали ему. „Дайте воды“, сказалъ Василько. Ему подали воды; онъ выпилъ и мало-по-малу совсѣмъ пришелъ въ себя, вспомнилъ, что съ нимъ происходило и, ощупавъ на себѣ рубашку, спросилъ: „Зачѣмъ сняли? Я бы въ этой окровавленной сорочкѣ принялъ смерть и сталъ предъ Богомъ“. Пообѣдавши, палачи повезли его во Владимиръ Волынскій къ Давиду, который приставилъ къ нему крѣпкую стражу — изъ тридцати человѣкъ.

Услышалъ объ этомъ злодѣйствѣ прежде другихъ князей Владимиръ Мономахъ и ужаснулся. „Такого зла еще не бывало ни при дѣдахъ ни при отцахъ нашихъ“, говорилъ онъ. Думавшій только о мирѣ между князьями, Мономахъ немедленно позвалъ къ себѣ черниговскихъ князей, Олега Святославовича и брата его Давида, на совѣщаніе въ Городецъ. „Надобно поправить зло, — говорилъ онъ, — которое совершилось въ Русской землѣ между нами, братьями: брошенъ между насъ ножъ; если это оставимъ такъ, то большее зло встанетъ, начнетъ убивать братъ брата — и погибнетъ

земля Русская". Давидъ и Олегъ Святославовичи также пришли въ ужасъ и говорили: „Подобнаго еще не бывало въ родѣ нашемъ". Дѣйствительно, бывали и прежде убійства князей другъ другомъ, но такого вопіющаго вѣроломства и насилія, какъ ослѣпленіе, никто еще не видалъ и не слыхалъ. Потому-то князья такъ и ужаснулись. Собравши свои войска, всѣ три князя послали своихъ мужей къ Святополку съ такими словами: „Зачѣмъ ты надѣлалъ зла въ Русской землѣ, зачѣмъ вергъ ножъ въ братью? Зачѣмъ ослѣпилъ брата? Если бы онъ былъ виноватъ предъ тобою, ты бы долженъ обличить его передъ нами и доказать вину его; онъ былъ бы наказанъ, а теперь скажи: въ чемъ вина его?" Святополкъ сложилъ всю вину на Давида и отвѣчалъ: „Мнѣ сказалъ Давидъ, что Василько убилъ брата моего Ярополка и меня хочетъ убить, чтобы захватить волость мою; говорилъ, что у него положена клятва съ Владимиромъ: чтобы Владимиру сѣсть въ Кіевѣ, а Василька—на Волыни. Я поневолѣ оберегалъ свою голову; не я его ослѣпилъ, а Давидъ: онъ его и увезъ къ себѣ".—„Этимъ не отговаривайся,—отвѣчали князья,—Давидъ его ослѣпилъ но не въ своемъ городѣ, а въ твоемъ".

Владимиръ Мономахъ съ князьями и дружинами хотѣлъ уже переходить черезъ Днѣпръ и итти противъ Святополка. Святополкъ въ страхѣ собирался бѣжать изъ Кіева, но кіевляне не пустили его и послали къ Владимиру мачеху его, жену покойнаго отца его Всеволода, и митрополита Николая съ такими словами: „Молимъ тебя, князь Владимиръ, и вмѣстѣ съ тобой братію твою, князей, не губите Русской земли; если вы начнете воевать между собою, половцы возрадуются и возьмутъ землю нашу, которую пріобрѣли отцы ваши и дѣды ваши трудомъ и храбростью; они боролись за Русскую землю да и чу-

жія земли пріобрѣтали, а вы хотите погубить и свою землю“. Владимиръ склонился на мольбы кіевлянъ. „Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ,—отцы и дѣды наши саблюдали и берегли Русскую землю, а мы хотимъ погубить ее“. Княгиня и митрополитъ возвратились назадъ и объявили въ Кіевѣ, что миръ будетъ. И точно: князья начали пересылаться и вести переговоры со Святополкомъ. Наконецъ, ихъ послѣднее слово было таково: „Это Давидова сколота (продѣлка), а ты, Святополкъ, иди на Давида, возьми его или прогони съ княженія“.

Святополкъ цѣловалъ крестъ и далъ клятву поступить съ Давидомъ по требованію Владимира и его товарищей. Но онъ медлилъ исполненіемъ княжескаго приговора и только черезъ годъ, заручившись помощью ляховъ, онъ отправился въ Давидовъ городъ, Владимиръ Волынскій. Давидъ сдался и уѣхалъ въ Польшу. Овладѣвши Волынью, Святополкъ разсчиталъ, что не худо такимъ же способомъ овладѣть и волостями Ростиславовичей—Володаря и Василька, за которыхъ онъ и посланъ былъ воевать съ Давидомъ. Володарь вышелъ противъ Святополка и взялъ съ собою слѣпого брата Василька, который къ тому времени былъ уже отпущенъ. Враги встрѣтились на урочищѣ „Рожново поле“.

Произошла жестокая битва. Ростиславовичи побѣдили. Святополкъ бѣжалъ во Владимиръ. Побѣдители, Володарь и Василько, не погнались за нимъ. „Съ насъ довольно стать на своей межѣ“, говорили они. Но Святополкъ не думалъ Ростиславовичей оставлять въ покоѣ: онъ хотѣлъ совсѣмъ выгнать ихъ изъ волостей. Для этого онъ пригласилъ венгровъ и съ помощью ихъ осадилъ Володаря Ростиславовича въ его городѣ Перемышлѣ. Но и теперь не посчастливилось Святополку. За одно съ Ростиславовичами, притѣсняемыми Святополкомъ, сталъ бывшій ихъ врагъ, Да-

видъ, который помирился съ ними и, призвавши орду половецкихъ кочевниковъ, отнялъ у Святополка Владимиръ, при чемъ былъ убитъ сынъ его, Мстиславъ.

Такимъ образомъ, Святополкъ, посланный князьями на Давида, воротился ни съ чѣмъ; напротивъ того, все это время, почти три года, прошло въ междоусобной войнѣ, не принесшей Русской землѣ ничего, кромѣ горя.

Желая прекратить разыгравшіяся ссоры и междоусобія, Владимиръ Мономахъ снова собираетъ князей на общее совѣщаніе, чтобы вмѣстѣ покончить дѣло, которое такъ дурно повелъ Святополкъ. 30 августа 1100 года всѣ братья съѣхались въ Витичевѣ: Владимиръ Мономахъ, Святополкъ и двое Святославовичей; пришелъ сюда и Давидъ, ослѣпившій Василька, и сказалъ: „На что вы меня требовали? Я — налицо, кому до меня обида?“ Тогда Мономахъ отвѣтилъ ему: „Ты самъ прислалъ къ намъ: хочу, говорилъ, братья, прійти къ вамъ и пожаловаться за свою обиду. Вотъ ты пришелъ и сидишь на одномъ коврѣ со своею братіею: почему же не жалуешься? На кого ты хочешь жаловаться?“ Давидъ не отвѣчалъ ничего. Тогда князья встали и сѣли на коней. Святополкъ сталъ со своею дружиною, Владимиръ—со своею, Святославовичи—каждый со своею; и стали они вмѣстѣ, а Давидъ Игоревичъ сидѣлъ особо, такъ какъ братья не позволяли ему приближаться къ себѣ, но отдѣльно совѣщались о Давидѣ. Послы подошли къ Давиду и сказали ему: „Вотъ что молвятъ тебѣ братья: мы не хотимъ дать тебѣ стола владимирскаго, потому что ты ввергъ ножъ въ насъ, чего не было еще въ Русской землѣ. Но мы не хотимъ лишить тебя свободы и не сдѣлаемъ тебѣ другого зла. Иди и сиди себѣ въ Бужскѣ и Острогѣ; два еще города даетъ тебѣ Святополкъ, а Владимиръ даетъ тебѣ 200 гри-

венъ, Святославовичи также даютъ тебѣ 200 гривенъ.“ Такъ былъ наказанъ Давидъ за свое преступленіе: у него отнята была вся волынская земля вмѣстѣ съ городомъ Владимиромъ. И всѣ князья разъѣхались въ миръ.

Мы видѣли теперь, какъ много было ссоръ и вражды между князьями послѣ смерти Ярослава. Не выполнили дѣти и внуки его совѣта. Они думали только о самихъ себѣ, о томъ, какъ бы правдой или неправдой увеличить свои владѣнія, для чего приводили на разграбленіе родной земли сосѣдей: поляковъ, венгровъ и даже половцевъ. И только лучшій князь, Владимиръ Мономахъ, старался умиротворить какъ-нибудь князей и успокоить Русскую землю. Самъ онъ избѣгалъ ссоръ съ князьями, вступался за обиженныхъ и примирялъ враждующихъ. Два общихъ съѣзда князей въ Любечѣ и Витичевѣ надѣлили князей ихъ родными волостями, и меньше стало случаевъ придраться одному князю къ другому. Междоусобныя войны стихли на цѣлыя тридцать лѣтъ.

III.

Когда князья перестали ссориться между собой и своими раздорами губить Русскую землю, имъ можно было дружно напасть на исконнаго врага русскаго народа—на дикихъ кочевниковъ половцевъ.

Русскіе давно уже были земледѣльцами, мирно обрабатывающими свои землю и торговавшими по рѣкамъ съ сосѣдями; а рядомъ съ ними, на юго-востокѣ, въ степяхъ пасли свои стада дикіе кочевники. Сперва тревожили Русь печенѣги, а теперь на ихъ мѣста пришли изъ Азіи половцы, и не было больше горя для древней Руси, какъ отъ этихъ враговъ.

Это былъ дикій народъ, вышедшій изъ Азіи, откуда пришли къ намъ послѣ нихъ и татары. Въ то

время половцы поселились на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей. Это мѣсто было для нихъ очень удобное. Все пространство тогдашней южной Руси—между Днѣпромъ, впадающимъ въ Черное море и рѣкой Волгой, впадающей въ Каспійское море,—занимали необозримыя огромныя степи. Здѣсь-то, пришедши изъ Азіи, и поселились половцы. Они были народъ кочевой, избъ не строили, а жили въ круглыхъ кибіткахъ, или юртахъ, которыя дѣлали изъ хвороста или тонкихъ жердей и покрывали войлокомъ и кожами. Пашни половцы не пахали, а были скотоводы. Огромныя стада скота, состоявшія изъ коровъ, лошадей, овецъ, козъ и верблюдовъ, составляли главное ихъ имущество и богатство. Благодаря скотоводству кочевники передвигались съ одного мѣста на другое, съ пастбища на пастбище, съ рѣки на рѣку и всюду гнали за собой свои стада. Такъ же, когда наступалъ лѣтній зной и степная трава была выжжена солнцемъ, они со своими стадами подвигались къ сѣверу, гдѣ было больше удобныхъ пастбищъ для скота, а на зиму опять перекочевывали на берега моря. Скотъ же былъ и главнымъ товаромъ для кочевниковъ: они вели имъ большую торговлю съ азіатскими народами. Пища ихъ состояла изъ коровьяго и лошадинаго молока, мяса и проса. Мясо они употребляли въ пищу какъ въ вареномъ, такъ и сыромъ видѣ.

Однако какъ ни просторны были необозримыя степи, онѣ не удерживали половцевъ отъ набѣговъ и нашествій на сосѣднихъ съ ними народовъ. Не избѣжала этой участи и Русская земля. Вслѣдъ за степями, къ сѣверу, шли самыя богатыя русскія княжества: Переяславское, Черниговское и Кіевское. Эти княжества всего болѣе терпѣли отъ нападеній кочевниковъ. А многимъ могли поживиться здѣсь половцы. Русскій народъ издавна велъ большую торговлю съ

Византіей и другими странами. Туда постоянно отправлялись русскіе товары: мѣха, воскъ, медъ и рабы. Дорога для каравановъ съ товарами шла какъ разъ черезъ степи. Здѣсь-то и настигали богатую добычу кочевники. Напавъ вооруженнымъ полчищемъ на торговый караванъ и ограбивъ его, они возвращались обратно. Настолько эти грабительскія нападенія кочевниковъ были часты и разорительны, что русскіе князья снаряжали отряды войскъ, которые и должны были сопровождать и охранять торговые караваны, отправлявшіеся изъ Руси за Черное море.

Но, кромѣ этихъ нападеній на торговые караваны русскихъ купцовъ, половцы нерѣдко предпринимали походы цѣлыми полчищами и въ самую глубь русскихъ княжествъ. Тутъ-то и выпадала горькая доля Русской землѣ и ея населенію. И не мудрено. Постоянные набѣги и войны съ другими степными народами дѣлали кочевниковъ съ малолѣтства лихими воинами. Стрѣлки и наѣздники они были отличные. Вооруженіе ихъ состояло изъ лука, колчана стрѣлъ, висящаго на плечѣ, сабли и аркана, а нѣкоторые употребляли и копья съ желѣзными наконечниками. Лукомъ степняки владѣли прекрасно, убивая на лету птицу. При нападеніяхъ на непріятеля ихъ не удерживали никакія преграды. Гдѣ для княжеской дружины и войска нуженъ былъ мостъ или переправа, тамъ ничего не нужно было для кочевниковъ: они переправлялись очень легко. Они брали десятокъ лошадиныхъ или другихъ шкуръ и сшивали ихъ ремнями по краямъ. Этотъ мѣшокъ набивался сѣномъ и привязывался къ хвосту лошади. Кочевникъ садился на мѣшокъ, гналъ лошадь въ рѣку и благополучно переправлялся на другую сторону.

Съ такою бойкой, подвижной ратью трудно было бороться русскимъ, особенно въ степяхъ. Въ своихъ

походахъ степняки отличались изумительной быстротой. Съ крикомъ и воемъ бросались они въ атаку на непріятеля. Завидя, что непріятельская конница движется на нихъ, они тотчасъ поворачиваютъ коней, несутся назадъ, осыпая непріятеля стрѣлами. Непріятель продолжаетъ ихъ преслѣдовать. Вдругъ, откуда ни возмись, съ боковъ и тыла бросаются свѣжіе отряды кочевниковъ, и сабли и арканы свистятъ надъ головами непріятелей. Такая засада приготовлялась заранѣе. Она состояла изъ двухъ отрядовъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Передовые отряды заманивали непріятеля вглубь степи по дорогѣ, а спрятанные въ засадѣ за холмомъ кочевники во-время бросались изъ засады и приводили въ смятеніе непріятеля.

Не менѣе страшны были половцы и въ своихъ нападеніяхъ и нашествіяхъ на Русь. Пользуясь своею многочисленностью, они въ одно и то же время появлялись на разныхъ мѣстахъ по границамъ Руси, и русскимъ трудно было собрать силы для защиты всѣхъ угрожаемыхъ поселеній. Такъ въ 1096 году, въ маѣ мѣсяцѣ, храбрый половецкій князь Бонякъ разорилъ и пожегъ окрестности города Кіева, Кури и Переяславля; а Тугоркань вслѣдъ за тѣмъ осадилъ самый Переяславль. Не было никакой возможности для русскихъ ни предугадать набѣговъ ни предпринять во время какихъ-нибудь мѣръ для защиты населенія. Половцы, какъ быстро появлялись, такъ быстро и исчезали. Съ какой быстротой все это дѣлалось, объ этомъ такъ говоритъ одинъ тогдашній византійскій писатель:

„Въ одинъ мигъ половецъ близко—и вотъ уже нѣтъ его. Сдѣлалъ наѣздъ и стремглавъ, съ полными руками, хватается за поводья, понукаетъ коня ногами и бичомъ и вихремъ несется далѣе, какъ бы желая

перегнать быструю птицу. Еще не успѣли увидѣть, а онъ ужъ скрылся изъ глазъ“.

Нападая на Русь, половцы грабили да жгли села и города, народъ уводили съ собою, а потомъ или

Кочевникъ въ степи.

оставляли въ рабствѣ у себя, или продавали другимъ народамъ. Русскіе князья во время такихъ набѣговъ половцевъ старались, главнымъ образомъ, отбить у

нихъ плѣнныхъ и награбленное имущество. Но это удавалось рѣдко: трудно было нагнать летучіе отряды кочевниковъ. Поэтому русскіе, узнавъ, гдѣ грабятъ половцы, старались какъ-нибудь незамѣтно перерѣзать имъ дорогу и напасть неожиданно.

А половцы съ каждымъ годомъ подвигались вглубь Руси все далѣе и далѣе, опустошая одну мѣстность за другою. Чѣмъ больше было сдѣлано опустошеній, чѣмъ больше сожжено было городовъ и селеній, тѣмъ привольнѣе было кочевникамъ отбиваться отъ русскихъ и легче проникать дальше въ Русь. Дѣйствительно, года не проходило, чтобы какая-нибудь мѣстность Руси не была обращена въ пустыню. Лѣтописи пестрятъ извѣстіями о набѣгахъ половцевъ. Такъ, въ 1092 году они взяли Переяславль, Прилуки, Песочень, Переволоку и сожгли много селъ; въ слѣдующемъ году сожгли много селъ; въ 1095 году той же участи подвергся Юрьевъ, въ 1096 году сожжено Устье, въ 1100 г.—много селъ у Переяславля и т. д.

Вотъ съ какимъ страшнымъ врагомъ приходилось жить Русской землѣ въ то время. Врагъ былъ многочисленный и сильный. Надо было какъ-нибудь оберегать Русь отъ этого зла. И вотъ уже съ Владимира Святого русскіе князья стараются получше оградиться отъ такихъ непріятныхъ сосѣдей. Они строятъ по юго-восточной границѣ Руси укрѣпленные города и лѣсныя засѣки. Каждый городъ обносился оградой или земляным валомъ, гдѣ и укрывались со всѣмъ своимъ имуществомъ окрестные жители, подвергшіеся нападенію половцевъ. Здѣсь, въ укрѣпленныхъ городахъ. по большой части они и отсиживались, такъ какъ бойкіе и ловкіе въ открытомъ полѣ кочевники не такъ ужъ были страшны въ мѣстахъ укрѣпленныхъ. Они не умѣли брать и плохихъ городковъ и вообще боялись мѣстъ закрытыхъ. Чѣмъ больше было лѣса,

напримѣръ, въ волости, тѣмъ счастливѣе отбивались отъ кочевниковъ русскіе люди.

Самое удобное время для разбойническихъ набѣговъ степныхъ хищниковъ было лѣто,—въ лѣтнюю пору всегда было, чѣмъ поживиться. Всѣ сельскіе жители, застигнутые врасплохъ и не успѣвшіе укрыться въ городкахъ или какъ-нибудь спрятаться, попадались въ плѣнъ и вмѣстѣ со своими стадами отгонялись въ степи, а беззащитныя селенія и поля выжигались. Плѣнниковъ половцы или оставляли у себя въ рабствѣ, или продавали на сторону, или отдавали на выкупъ родственникамъ и знакомымъ, и для этого выкупа плѣнниковъ русскіе люди свободно допускались въ половецкія кочевья, куда также съѣзжались болгары, хазарскіе евреи и греки.

Тяжело жилось Руси въ то время. Главная бѣда состояла въ томъ, что набѣгамъ половцевъ очень помогали постоянныя усобицы и войны князей другъ съ другомъ. Въ одной тогдашней пѣснѣ такъ говорилось про эти усобицы князей, отъ которыхъ гибла Русь:

Братья спорятъ: то мое и это!
Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе *).

Дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы общими силами отражать половцевъ и охранять свою землю, князья шли войной другъ на друга. Половцы же какъ нельзя лучше пользовались этими раздорами князей: въ то время какъ какой-нибудь князь шелъ войной на сосѣда-князя, кочевники тутъ какъ тутъ.

Особенно было много бѣдствій на Руси отъ половцевъ во время княженія Святополка. Услыхавъ, что

*) „Слово о полку Игоревѣ“, пер. Майкова.

прежній великій князь Всеволодъ Ярославовичъ умеръ, половцы прислали къ Святополку пословъ съ предложеніемъ купить у нихъ миръ. Скупой Святополкъ, не посовѣтовшись съ опытными людьми, не только не купилъ мира, но посадилъ пословъ половецкихъ въ тюрьму. Это страшно разобидѣло половцевъ, которые уже стояли на границѣ и были готовы къ войнѣ. Они немедленно начали воевать и осадили Торческъ, русскій городъ на р. Роси. Святополкъ испугался, захотѣлъ мира и отпустилъ половецкихъ пословъ. Но теперь уже сами половцы не хотѣли мириться и продолжали воевать. Тогда Святополкъ началъ собирать войско; умные люди говорили ему: „Не выходи къ нимъ, мало у тебя войска“. Онъ отвѣчалъ: „У меня 800 своихъ отроковъ (младшей дружины) могутъ противъ нихъ стать“. Несмысленные подстрекали князя, говоря: „Ступай князь“, а смышленые уговаривали не ходить: „Если бы ты, князь, пристроилъ еще 8.000, такъ и то было бы только впору; наша земля оскудѣла отъ ратей, пошли-ка лучше къ брату своему Владимиру Мономаху, чтобы помогъ тебѣ“. Святополкъ такъ и сдѣлалъ, послалъ за Мономахомъ. Владимиръ согласился и отправился къ Святополку вмѣстѣ со своею дружиною, пригласилъ также брата своего Ростислава. Въ Кіевѣ у Владимира со Святополкомъ начались распри. Старые дружинники говорили имъ: „Что вы тутъ спорите, а поганые губятъ Русскую землю; послѣ уладитесь, а теперь ступайте противъ поганыхъ, либо съ миромъ, либо съ войною“. Владиміръ, видя, что у нихъ войска мало, настаивалъ на мирѣ, а Святополкъ хотѣлъ войны. Наконецъ уладились, поцѣловали крестъ и двинулись. Ополченіе трехъ князей сошлось на берегу рѣки Стугны, и тамъ собрался совѣтъ. Владиміръ Мономахъ былъ того мнѣнія, что лучше, какъ бы ни было, устроить миръ. „Врагъ гро-

зенъ,—говорилъ онъ,—остановимся и будемъ съ нимъ мириться". Къ этому совѣту присоединился бояринъ Янъ и еще кое-кто изъ дружины; но кіевляне горячились и хотѣли непремѣнно биться. Имъ уступили. Верстахъ въ пятидесяти отъ Кіева князья встрѣтились съ половцами. Русскіе стояли на одной сторонѣ р. Стугны, которая тогда сильно наводнилась, а половцы—на другой. Число враговъ было громадно и далеко превосходило немноголюдную русскую рать. Святополкъ былъ до того храбръ, что велѣлъ перейти рѣку и начать битву. Половцы дружно напали на дружину Святополка, разбили ее и бросились на Владимира съ Ростиславомъ. Борьба была лютая и продолжительная, но враги все же одолѣли,—и русское войско побѣжало. Между тѣмъ рѣка заграждала путь къ отступленію, и русскіе должны были на коняхъ переплыть ее, чтобы спастись отъ преслѣдованія половцевъ. Много тутъ воиновъ потонуло, многихъ изъ плывущихъ половцы, стоя на берегу, перестрѣляли изъ луковъ. Владиміръ вмѣстѣ съ другими тоже переправлялся въ бродъ, какъ вдругъ видитъ, что Ростислава, брата его, уноситъ теченіемъ, что ему грозитъ смерть. Владиміръ бросился въ опасное мѣсто, но едва самъ не погибъ, а Ростиславъ такъ и утонулъ.

Печальные возвратились русскіе князья: Владиміръ—въ Черниговъ, а Святополкъ—въ Кіевъ. Половцы не оставили преслѣдованія и шли къ Кіеву. Святополкъ вышелъ противъ нихъ на рѣку Желань, но былъ опять жестоко разбитъ и бѣжалъ: русскихъ погибло здѣсь еще больше, чѣмъ на Стугнѣ. Святополкъ возвратился въ Кіевъ самъ-третей, а половцы послѣ этой побѣды разсѣялись по русскимъ селеніямъ для грабежа и разбоя. Современникъ лѣтописецъ такъ описываетъ бѣдствія Русской земли за это время: „Лукавые сыны Измаиловы (такъ по книжному назывались тогда по-

ловцы) жгли села и гумна и много церквей запалили огнемъ; жителей били, оставшихся въ живыхъ мучили, уводили въ плѣнъ; всюду по землѣ нашей плачъ. Города и села опустѣли; на поляхъ, гдѣ прежде паслись стада коней, овецъ и воловъ, теперь все стало пусто; нивы поросли — на нихъ живутъ звѣри. Печальные, измученные, истомленные голодомъ и жаждою, съ осунувшимися лицами, почернѣвшимъ тѣломъ, нагіе, босые, съ окровавленными ногами, шли русскіе плѣнники въ неволю, въ степи половецкія и говорили другъ другу: я изъ такого-то города, а я изъ такой-то деревни; разсказывали о родныхъ своихъ и со слезами возводили очи на небо ко Всевышнему".

Святополкъ, два раза разбитый и уже не имѣя ни откуда помощи, волей-неволей заключилъ миръ съ половцами, т.-е. далъ имъ большой откупъ и женился на дочери ихъ князя Тугоркана.

Половцамъ, однако, ничего не стоило нарушить миръ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ русскихъ князей не совѣстились искать у нихъ помощи противъ своихъ же соотечественниковъ.

Таковъ былъ, напримѣръ, Олегъ Святославовичъ. Обдѣленный князьями, онъ во что бы то ни стало добивался своей родной Черниговской волости. Припомнимъ, что послѣ продолжительныхъ скитаній ему это удалось: съ помощью наемныхъ половцевъ онъ взялъ Черниговъ. Въ награду за помощь онъ далъ половцамъ позволеніе грабить Черниговъ и черниговскую землю. Тѣ, конечно, пожгли много селеній, многихъ русскихъ нещадно избили, а другихъ увели въ плѣнъ.

Много горя принесъ Олегъ Русской землѣ своими войнами, и это долго помнили на Руси; и даже въ пѣсняхъ прозвали его Олегомъ Гореславовичемъ.

Въ это тяжелое для Руси время, когда князья занимались враждою другъ съ другомъ, а половцы хозяй-

ничали надъ Русской землею, и выступаетъ опять храбрый и умный Владимиръ Мономахъ. Уже было разсказано, какъ онъ старался помирить враждовавшихъ князей, чтобы всѣмъ вмѣстѣ, общими силами ударить на половцевъ. Дѣйствительно, междоусобія княжескія стихли. Съ этихъ поръ Мономахъ становится постояннымъ и непримиримымъ врагомъ половцевъ. Тутъ же, послѣ Витичевскаго съѣзда, въ 1101 году онъ поднялъ князей противъ нихъ; но половцы, услышавши о сборахъ русскихъ, прислали къ нимъ просьбу о мирѣ. Русскіе согласились на миръ.

Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ этотъ миръ былъ нарушенъ половцами. Тогда Мономахъ рѣшился уже расправиться съ ними. Мономахъ зналъ также, что ждать нашествія половцевъ надобно съ весны, какъ только покажется трава въ степяхъ, и вотъ онъ задумалъ, какъ бы предупредить половцевъ походомъ въ ихъ собственныя кочевья. Онъ далъ знать о своемъ намѣреніи великому князю Святополку и уговаривалъ его съ весны итти на половцевъ. Святополкъ сказалъ объ этомъ дружинѣ. Въ то время князь ничего не дѣлалъ безъ совѣта съ дружиной.

Дружина, когда ей Святополкъ передалъ приглашеніе Мономаха итти въ походъ на половцевъ, отвѣчала: „Не время весною итти въ походъ: отнимемъ только смердовъ (такъ тогда называли крестьянъ) отъ работы“ *).

Тогда Святополкъ послалъ сказать Мономаху: „Надобно намъ съѣхаться вмѣстѣ и подумать съ дружиною“. Встрѣтились князья недалеко подъ Кіевомъ, у Долобскаго озера, и расположились въ раскинутомъ шатрѣ. Вокругъ стояли дружинники. Долго князья

*) Войско состояло не только изъ княжской дружины, но и изъ ополченія, которое набиралось для войны и послѣ ея окончанія распускалось по домамъ.

сидѣли молча; наконецъ, Владимиръ началъ, обращаясь къ Святополку: „Братъ! Ты старшій, начни же говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ?“ Святополкъ отвѣчалъ: „Лучше ты начни говорить, братецъ“. — „Какъ мнѣ говорить? — отвѣчалъ Мономахъ. — Противъ меня будетъ и моя и твоя дружины; они скажутъ, что я хочу погубить поселянъ, оторвать ихъ отъ работъ; но удивляюсь я тому, что поселянъ вы жалѣете и ихъ лошадей, а того не подумаете, что весною начнетъ крестьянинъ пахать съ лошадью, и придетъ половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ — объ этомъ вы вотъ не подумаете!“ Вся дружина отвѣчала: „И въ самомъ дѣлѣ такъ!“ Святополкъ прибавилъ: „Я готовъ итти“, и всталъ, а Владимиръ сказалъ: „Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты Русскойземлѣ“.

Мономахъ понималъ, что великое зло надо пресѣчь силою, надо задать страху разорителямъ Русской земли; надо сокрушить ихъ силу. Сговорившись съ Святополкомъ, Мономахъ послалъ звать и другихъ князей въ походъ на враговъ. „Пойдемъ на половцевъ, — писалъ онъ, — либо живы будемъ, либо мертвы“.

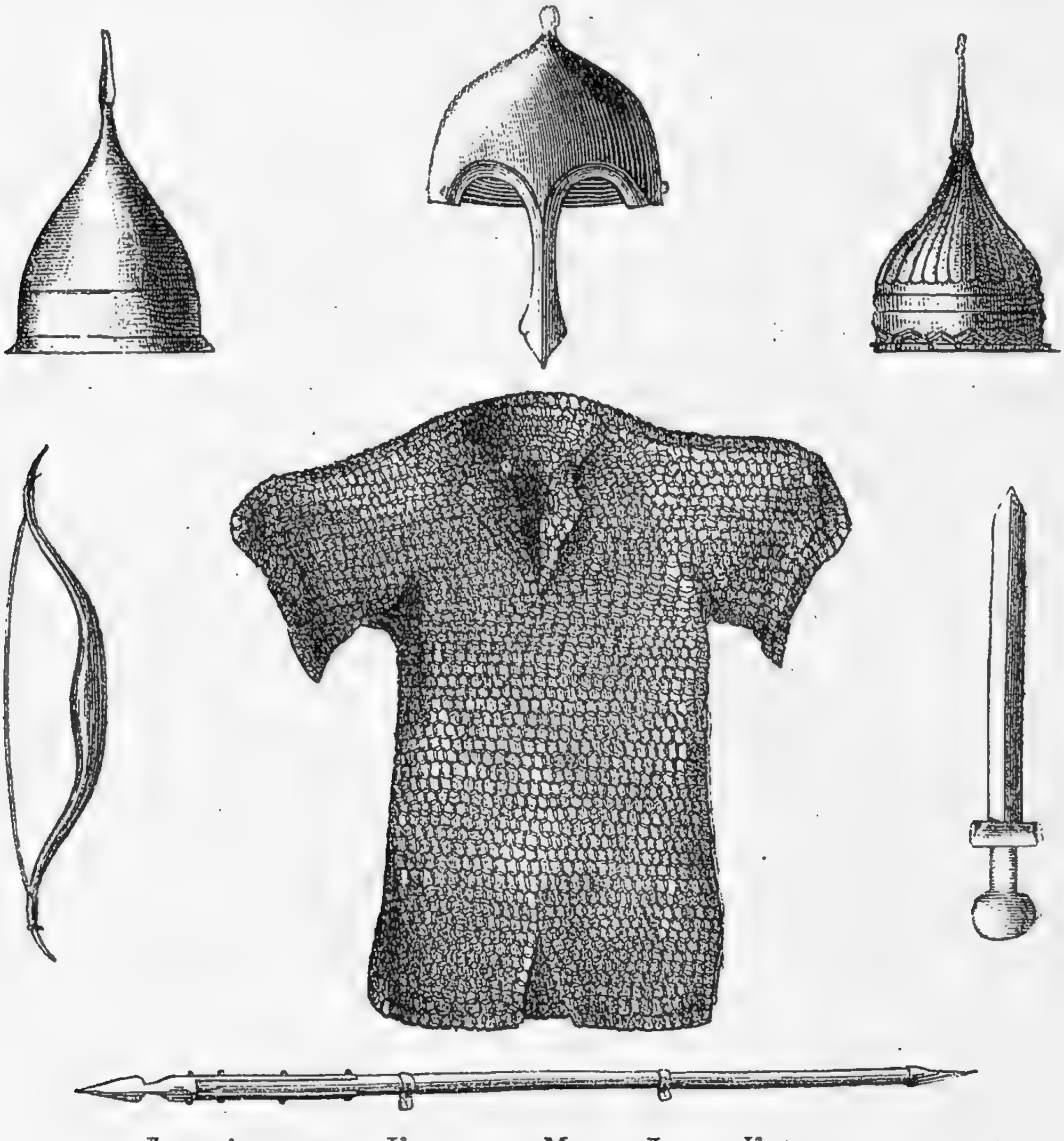
Многіе князья явились на зовъ Мономаха съ пѣшими и конными дружинами. Дружина русскихъ князей въ то время хотя и не имѣла ни пушекъ ни ружей, потому что употреблять въ дѣло огнестрѣльное оружіе тогда еще не умѣли, была все-таки вооружена на славу. Всѣ воины были одѣты въ желѣзныя латы, т.-е. кафтаны, защищавшіе тѣло отъ ударовъ непріятельскихъ мечей. Головы воиновъ покрывались желѣзными или мѣдными шлемами (шапки), которые были рѣзной формы, но чаще всего кверху суживались, чтобы непріятельскій мечъ больше скользилъ по шапкѣ, чѣмъ билъ. Кромѣ латъ (брони) и шлема, каждый воинъ имѣлъ щитъ, т.-е. желѣзную или прочную деревянную

доску, которую держалъ въ лѣвой рукѣ и загораживалъ ею свое тѣло. Главнымъ оружіемъ служили мечи или сабли, изъ которыхъ одни были прямые, въ видѣ креста, а другіе выгнуты впередъ. Мечи были коротким оружіемъ, болѣе же длинное составляли копья съ желѣзными наконечниками, которыми можно было и колоть и метать въ непріятеля. Для большого же разстоянія употреблялись стрѣлы, тоже съ острыми желѣзными наконечниками, пускаемыя изъ луковъ. Кромѣ того, многіе воины имѣли еще чугунныя или мѣдныя булавы, толстыя съ одного конца и тонкія съ другого; а у другихъ за поясомъ торчали кинжалы.

Нужно было имѣть не нашу силу, чтобы удержать на себѣ такую тяжелую желѣзную одежду, да еще ловко владѣть копьемъ въ 20—30 фунтовъ. Но предкамъ нашимъ это было не такъ трудно: они привыкали къ этой ношѣ съ дѣтства. Какъ намъ не тяжела кажется зимняя одежда, такъ и для нихъ не тяжелыми были желѣзные шлемы и латы.

Съѣхавшись вмѣстѣ со своими дружинами, князья подъ предводительствомъ Мономаха двинулись въ половецкія степи, внизъ по Днѣпру. Пѣшая дружина поплыла въ лодкахъ, конная отправилась по берегу. Прошедши Днѣпровскіе пороги, пѣшіе высадились на берегъ и вмѣстѣ съ конными шли степью четыре дня. Половцы, услыхавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали совѣщаться. Одинъ изъ хановъ ихъ, Урусоба, сказалъ: „Пошлемъ просить мира у русскихъ; они станутъ съ нами биться крѣпко, потому что мы много зла надѣлали ихъ землѣ“. Молодые отвѣчали ему: „Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этихъ, пойдемъ въ ихъ землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?“

А русскіе князья и всѣ ратники въ это время молились Богу, давали обѣты. Наконецъ, половцы выслали напередъ для развѣдокъ самаго удалого изъ своихъ наѣздниковъ, князя Алтунопу, съ его полкомъ.



Древніе шлемы. Кольчуга. Мечъ. Лукъ. Копье.

Русскій сторожевой полкъ встрѣтилъ Алтунопу и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, началъ битву, въ которой изъ первыхъ палъ самъ Алтунопа, а за нимъ были побиты и остальные, такъ что ни одинъ не ушелъ подать вѣсть своимъ. Скоро явились и остальные

многочисленные половецкіе полки. Русскіе бросились на нихъ съ такой силой и стремительностью, что половцы въ ужасѣ, не вступая въ битву, пустились бѣжать. Преслѣдуя, русскіе перебили изъ нихъ множество: однихъ хановъ, или князей половецкихъ пало въ этотъ

Одежда воина.

разъ 20 человѣкъ. Побѣда была полная и доставила русскимъ огромную добычу: они захватили безчисленныя стада рогатаго скота, овецъ, коней и верблюдовъ, также половецкіе шатры съ ихъ имуществомъ и рабами.

Съ большой добычей и славой возвратился Мономахъ изъ этого похода.

Но живъ былъ страшный половецкій князь Боняк̀ъ. Задумавъ отомстить русскимъ за гибель своихъ, онъ явился подъ Переяславлемъ, захватилъ здѣсь конскіе табуны и подошелъ къ Лубнамъ (теперь уѣздный городъ въ Полтавской губ.), но здѣсь былъ опять разбитъ русскими князьями.

Владимиръ Мономахъ, желая покончить съ половцами, снова убѣдилъ князей совершить новый большой походъ; ему хотѣлось разгромить половецкія становища и въ самыхъ степяхъ задонскихъ, гдѣ кочевники больше всего были неприступными. На этотъ разъ князья выступили еще раньше, на второй недѣлѣ Великаго поста, чтобы совершить походъ до наступленія лѣтняго зноя въ степяхъ. До рѣки Хороля войско шло еще зимнимъ путемъ, но тутъ надобно было бросить сани. Оно постепенно миновало Пселъ, Ворсклу, Донецъ и прочія рѣки, а на шестой недѣлѣ, во вторникъ, достигло береговъ Дона. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца непріятеля не встрѣчалось. На берегахъ же Дона находились осѣдлыя становища главныхъ половецкихъ хановъ. Подходя къ ихъ городу Шаруканю, русскіе надѣли брони и раздѣлили ратниковъ на полки, готовые къ бою. Но шаруканцы не рѣшились защищаться и, вышедши изъ города, поднесли русскимъ князьямъ съ поклономъ рыбу и вино. Переночевавъ въ Шарукани, русскіе на другой день двинулись къ другому половецкому городу, Сугрову и сожгли его; потомъ съ Дона пустились въ степи искать непріятелей и на рѣкѣ Дегеѣ нашли ихъ. Многочисленныя полчища половцевъ были уже готовы къ бою. Русскіе князья, какъ бы передъ смертью, перецѣловались, говоря другъ другу: „Помереть намъ здѣсь, станемъ крѣпко“. Битва кончилась страшнымъ избіеніемъ половцевъ. Два дня русскіе простояли на костяхъ непріятельскихъ, празд-

нуя побѣду, а въ воскресенье пошли дальше. Въ Страстной понедѣльникъ русскіе спустились къ рѣкѣ Сальницѣ, гдѣ стояли полки половецкіе, какъ необозримый лѣсъ. Здѣсь произошла новая страшная битва: упорная сѣча длилась долго, люди во множествѣ падали съ обѣихъ сторонъ. Но вотъ подступилъ Мономахъ со своимъ полкомъ и сломилъ наконецъ непріятеля. Снова съ огромнымъ количествомъ плѣнниковъ и всякаго скота воротились русскіе изъ похода, и слава ихъ похода разнеслась далеко по чужимъ землямъ.

Упорная борьба съ половцами, которую такъ успѣшно велъ Мономахъ, не прошла даромъ для Руси. Никто изъ князей русскихъ не ходилъ такъ далеко въ степи и не наносилъ такого рѣшительнаго пораженія половцамъ въ ихъ же собственныхъ кочевьяхъ. Два послѣднихъ похода Мономаха заставили ихъ отодвинуться далеко отъ границъ Руси и уйти за Донъ, вглубь степей. Съ этихъ поръ половцы надолго перестали тревожить Русскую землю.

IV.

Вскорѣ послѣ двухъ знаменитыхъ походовъ на половцевъ умеръ Святополкъ, великій князь кіевскій. Этотъ князь не оставилъ по себѣ доброй памяти въ народѣ. Въ его княженіе все время шли междоусобныя войны и совершилось такое неслыханное злодѣяніе, какъ ослѣпленіе князя Василька. Къ тому же Святополкъ отягощалъ народъ большими податями и позволялъ дружинѣ своей притѣснять мирныхъ жителей. Да и самъ онъ не отличался большой честностью. Въ „Житіяхъ печерскихъ святыхъ“ разсказывается, что одно время сильно вздорожала соль въ Кіевѣ. Монахи тамошняго Печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ. Святополкъ, узнавъ

объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобы продавать ее самому дорогою цѣной.

Понятно послѣ этого, что народъ не любилъ Святополка и не жалѣлъ объ его смерти. Въ тѣ времена, когда шли постоянныя войны и опустошенія ни въ

Одежда русскихъ XI и XII вв.

чемъ неповинныхъ селеній, не такой нуженъ былъ князь для народа. Нуженъ былъ князь, соблюдающій не свои корыстные интересы: какъ бы побольше собрать податей съ народа да пожить получше, а такой, который бы думалъ о пользѣ и нуждахъ своего

народа, защищалъ бы слабыхъ отъ сильныхъ, бѣдныхъ отъ богатыхъ.

Кто же изъ князей могъ въ то время быть по душѣ народу, чтобы занять кіевскій великокняжескій столъ?

Недолго кіевляне рѣшали этотъ вопросъ. Они не забыли того добраго времени, когда въ стѣнахъ ихъ города жилъ при старомъ отцѣ Мономахъ, много помогавшій отцу въ управленіи народомъ и въ войнахъ съ сосѣдями, который потомъ былъ самымъ миролюбивымъ изъ князей и самымъ страшнымъ вра-

гомъ для половцевъ. Доброе имя его было извѣстно всѣмъ на Руси.

Въ то время въ каждой волости, въ каждомъ княжествѣ былъ свой главный городъ, въ которомъ и собирался народъ думать и разсуждать о своихъ дѣлахъ. Такія собранія народа назывались тогда вѣчемъ. Ударятъ въ большой колоколъ, — народъ ужъ и знаетъ, что случилось что-нибудь важное, и идетъ на площадь, гдѣ князь или бояринъ отъ имени князя будетъ говорить съ нимъ. Князь собиралъ народъ на вѣче по всѣмъ важнымъ дѣламъ, чтобы вмѣстѣ обсудить ихъ. Задумывалъ ли князь войну съ сосѣдомъ-княземъ, или рѣшалъ итти въ походъ на кочевниковъ, или хотѣлъ еще что-нибудь предпринять— онъ всегда спрашивалъ совѣта и согласія у вѣча. Если вѣче было согласно, напримѣръ, на войну, то князь снаряжалъ войско и ополченіе и шелъ въ походъ; если же нѣтъ, то ему приходилось итти одному съ дружиной, или народъ совсѣмъ не пускалъ его. Любимый князь всегда встрѣчалъ въ народѣ помощника себѣ, и вѣче ему ни въ чемъ не отказывало. „Пойдемъ съ тобою на войну и съ дѣтьми“, говорилъ народъ въ такихъ случаяхъ.

Не только о войнѣ или о мирѣ разсуждалъ народъ на вѣчѣ. Избраніе или смѣщеніе князя также принадлежало народу. Умиралъ какой-нибудь князь или переходилъ княжить въ другую волость, тогда народъ собирался на вѣчѣ, и вѣче рѣшало, кого призвать на княжскій столъ. А чтобы князь правилъ лучше, вѣче иногда, призывая князя, заключало съ нимъ рядъ, или договоръ, отъ котораго князь не долженъ былъ отступать. Въ такихъ договорахъ говорилось, что князь не долженъ поступать несправедливо, не долженъ предпринимать важныхъ дѣлъ безъ согласія вѣча, раздавать безъ него земель своимъ дружинникамъ

вмѣсто жалованья, охотиться въ чужихъ лѣсахъ и пр. Князь обыкновенно „давалъ клятву („цѣловалъ крестъ“), что будетъ исполнять эти условія, и послѣ этого вступалъ на княжескій столъ.

Избравши князя, вѣче передавало ему все управленіе и судъ. Князь былъ главнымъ защитникомъ княжества отъ враговъ; онъ всегда предводительствовалъ на войнѣ, а въ мирное время управлялъ въ своемъ княжествѣ, судилъ народъ и назначалъ разныхъ помощниковъ изъ дружины. Управителями пригородовъ были дружинники князя; ихъ же князь назначалъ судьями. Дружинники получали эти должности въ награду за военную службу вмѣсто жалованья. Въ то время, кто судился, платилъ судьѣ. Въ управленіе князя вѣче уже не вмѣшивалось. Но это было до тѣхъ поръ, пока князь сходился съ народомъ и правилъ такъ, какъ было желательно для народа. Любъ былъ князь, заботился о своей землѣ, не угнеталъ своихъ подданныхъ, тогда и народъ уважалъ и любилъ князя, ни въ чемъ не перечилъ и повиновался ему. Наоборотъ, если князь былъ несправедливъ, притѣснителенъ или жестокъ, тогда онъ мало могъ найти поддержки въ народѣ, а то и совсѣмъ сгонялся съ княжескаго стола, чтобы свое мѣсто уступить другому. Такой участи подвергся, напримѣръ, старшій сынъ Ярослава Мудраго, Изяславъ, и многіе другіе князья.

На вѣче собиралось обыкновенно все населеніе главнаго города и пригородовъ. Говорить могъ здѣсь всякій. На чемъ постановитъ большинство, то и приводилось въ исполненіе. Часто бывали, конечно, распри и разногласія: одна партія хотѣла одного, другая — другого, такъ что иногда происходили драки на вѣчахъ, кончавшіяся побоищами. Обыкновенно же старались сойтись всѣмъ на одномъ, рѣшить дѣло „на единъ гласъ“; какъ тогда говорили. И это удавалось,

особенно когда для всѣхъ ясно было, что надо предпринять.

Такъ было вотъ и теперь въ Кіевѣ, по смерти Святополка, когда кіевлянамъ надо было избрать для себя князя. Для нихъ ясно было, что изъ наличныхъ князей всѣхъ нужнѣе для нихъ былъ Владимиръ Мономахъ; отъ него только народъ привыкъ ждать добра. И дѣйствительно, собравшись на вѣче, кіевляне, безъ всякаго спора, въ одинъ голосъ рѣшили отдать кіевскій столъ Владимиру. Мономахъ въ то время былъ на княженіи въ Переяславлѣ. Вѣче послало туда пословъ съ приглашеніемъ Владимиру сѣсть на кіевскій столъ. „Иди, князь, на столъ дѣда и отца своего“, говорили послы. Но Мономахъ отказался. Это и понятно: въ 1097 году на съѣздѣ въ Любечѣ онъ цѣловалъ крестъ предъ своими двоюродными братьями и племянниками не занимать Кіева. По старшинству кіевскій столъ долженъ былъ теперь перейти къ Святославовичамъ, какъ старшимъ внукамъ Ярослава, и Мономахъ, не желая заводить ссоръ и усобицъ, отказался отъ кіевскаго стола. Однако кіевляне не хотѣли отступать отъ своего рѣшенія. Недовольные поборами покойнаго князя Святополка, они напали на домъ его любимца, военачальника Путяты, и разграбили дворы купцовъ, которымъ Святополкъ потакалъ во время своего княженія и поручалъ имъ сборы доходовъ. Во второй разъ кіевляне послали просить Мономаха, угрожая, что если онъ не придетъ, то они ограбятъ княгиню, вдову Святополка, бояръ и монастыри. „И будешь ты, князь, въ отвѣтѣ предъ Богомъ, если разграбятъ монастыри“. Мономахъ не могъ больше противиться. Онъ видѣлъ, что послѣ второго отказа съ его стороны произойдетъ смута, такъ какъ зналъ, что Олегъ Святославовичъ, какъ человѣкъ безпокойный, не способенъ будетъ водворить миръ между князьями;

поэтому, не задумываясь больше, онъ отправился въ Кіевъ. Навстрѣчу къ нему вышелъ митрополитъ Никифоръ съ епископами и со всѣми кіевлянами и принялъ его съ великою честью; всѣ люди были рады,— и мятежъ утихъ. Никто не осмѣлился оспаривать у Мономаха его великокняжескаго стола; самъ Олегъ Святославовичъ призналъ его великимъ княземъ и не началъ войны.

Утвердившись въ Кіевѣ, Мономахъ одного сына своего, Святослава, посадилъ въ своемъ Переяславлѣ; другого, Вячеслава, — въ Смоленскѣ, а старшій сынъ его, Мстиславъ, уже давно княжилъ въ Новгородѣ, по приглашенію самихъ новгородцевъ.

Владимиръ своимъ княженіемъ въ Кіевѣ напомнилъ славное время дѣда своего, Ярослава Мудраго, какъ по своему могуществу, такъ и по характеру. Ему и его семьѣ принадлежало теперь болѣе трехъ четвертей тогдашней Руси — отъ южнаго Кіева вплоть до сѣвернаго Новгорода.

Вступивши на кіевскій престолъ шестидесяти лѣтъ, Владимиръ Мономахъ былъ такъ же дѣятеленъ, какъ и въ молодости. Онъ обыкновенно вставалъ съ постели раннимъ утромъ и шелъ въ церковь; потомъ садился съ дружиною разсуждать о дѣлахъ управленія и творить судъ. По собственнымъ его словамъ, онъ отъ юности самъ дѣлалъ всѣ дѣла, которыя бы слѣдовало дѣлать слугѣ; и на войнѣ и на ловляхъ, день и ночь, зимою и лѣтомъ, не давая себѣ покоя, не надѣясь на своихъ помощниковъ, все дѣлалъ самъ, что было нужно. Не давалъ сильнымъ обидѣть ни бѣднаго поселянина ни убогой вдовы.

При такой дѣятельности и высокомъ умѣ, захвативъ въ свои руки большую и лучшую часть земли Русской, Мономахъ сразу поставилъ Русь грозно въ отношеніи къ сосѣдямъ. Уже ни половцы и никакіе

другіе иноплеменники во все время княженія Мономаха не безпокоили русскаго народа. Младшіе князья также не смѣли заводить при немъ усобицъ и въ случаѣ строптивости унимались. Такъ, вскорѣ по вокняженіи Мономаха, Глѣбъ Всеславовичъ, князь минскій, началъ, было, разорять Туровскую волость, принадлежавшую Мономаху. Тогда Владимиръ подступилъ къ Минску и хотѣлъ взять городъ осадою; онъ велѣлъ войску строить теплыя избы (дѣло было Великимъ постомъ) и брать кормъ для лошадей въ волости Глѣба. Глѣбъ, увидавъ приготовленія къ долгой осадѣ, испугался и послалъ бояръ просить мира у Мономаха. Мономахъ былъ доволенъ такимъ исходомъ дѣла: онъ велѣлъ дѣлать приготовленія къ осадѣ для того только, чтобы испугать Глѣба. Не желая проливать христіанскую кровь, Мономахъ простилъ Глѣба и, давъ ему строгое наставленіе, какъ вести себя, возвратилъ ему Минскъ.

Также смирилъ Мономахъ и другого непокорнаго родича, Ярополка Святополковича, князя владимирскаго. Этотъ князь безпокоилъ сосѣднихъ князей Ростиславовичей и позволилъ себѣ сдѣлать оскорбленіе Мономаху: задумалъ развестись съ женою, внукою Мономаха, безъ всякой вины съ ея стороны. Мономахъ посылалъ уговаривать Ярослава, звалъ его на судъ передъ князьями; но тотъ не хотѣлъ повиноваться и отвѣчалъ укоризнами. Тогда Мономахъ, собравши князей, пошелъ къ городу Ярослава—Владимиру. Два мѣсяца князья держали городъ въ осадѣ. Наконецъ, Ярославъ, доведенный до крайности недостатком продовольствія, послалъ бояръ просить мира у Мономаха. Мономахъ требовалъ, чтобы Ярославъ лично просилъ у него прощенія. Тотъ вышелъ изъ города и палъ въ ноги Мономаху. Мономахъ простилъ его, но съ тѣмъ, чтобы онъ слушался и являлся къ нему по первому зову.

Такъ Мономахъ умѣлъ смирять строптивыхъ князей. Благодаря этому въ его княженіе спокойнѣе было на Руси. Князья, не занятые усобицами между собою, могли сами предпринимать походы противъ разныхъ враговъ. Такъ, Ярославъ, сынъ Мономаха, ходилъ на Донъ, въ половецкія степи и завоевалъ у половцевъ три города; другой сынъ Мономаха, Юрій суздальскій, разбилъ камскихъ болгаръ и воротился съ богатою добычей. Князья Ростиславовичи, Володарь и Василько, предпринимали очень удачные походы на Польшу.

Никто не страшенъ былъ уже теперь для Руси: половцы не смѣли переступить русскихъ границъ, а младшіе князья, сдерживаемые Мономахомъ, не смѣли вредить землѣ и людямъ междоусобными войнами.

Пользуясь этимъ спокойствіемъ, Мономахъ старается какъ можно больше улучшить жизнь своего народа. За время Святополкова княженія русскіе люди терпѣли много отъ ростовщиковъ. Тяжело въ то время жилось бѣдняку: богачъ-ростовщикъ за деньги, отданныя взаймы, бралъ какой угодно ростъ или процентъ. Ростъ въ половину занятыхъ денегъ былъ обыкновеннымъ. Такой большой ростъ объясняется также тѣмъ, что въ то неспокойное время должникъ часто разорялся и не могъ отдать долга. Конечно, такой порядокъ былъ разорителенъ для народа. Владимиръ Мономахъ, вскорѣ по вступленіи на кіевскій столъ, обратилъ вниманіе на такую несправедливость; онъ собралъ совѣтъ изъ своихъ дружинниковъ; Олегъ Святославовичъ прислалъ также своего мужа, и порѣшили уменьшить росты за долги. Постановлено было такъ, что ростъ въ половину взятыхъ денегъ, т.-е., напримѣръ, на два рубля брать третій, можно только два года сряду; а кто потребуетъ того же роста и въ третій годъ, тотъ лишается и самаго капитала. Затѣмъ при

Мономахѣ былъ введенъ новый законъ о неоплатныхъ должникахъ. Прежде должникъ, взявшій деньги въ долгъ у другого, если ихъ почему бы то ни было не выплачивалъ во-время, то могъ быть подвергнутъ насилію и проданъ за это въ рабство. Мономахъ же постановилъ такъ: если купецъ, взявъ товары или деньги въ долгъ, потерпитъ кораблекрушеніе, подвергнется пожару или будетъ ограбленъ непріятелемъ, то нельзя надъ нимъ сдѣлать какое-либо насиліе или продать въ рабство, но необходимо позволить ему разсрочку платежа на нѣсколько лѣтъ, потому что это несчастье отъ Бога, а онъ не виноватъ въ немъ. Если жъ купецъ ввѣренный ему товаръ или пропьетъ, или проиграетъ, или испортитъ по глупости, то вѣрители поступаютъ съ нимъ, какъ имъ угодно: хотятъ—ждутъ, хотятъ — продадутъ въ рабство, на то ихъ воля. Значитъ, если купецъ обанкротился по своей винѣ, то его можно было продать въ рабство, а если онъ обанкротился по несчастному случаю, то насилія надъ нимъ нельзя было сдѣлать никакого.

Но не только о торговыхъ людяхъ-купцахъ заботился Владимиръ Мономахъ. Не забывалъ онъ простого люда, которому въ тѣ времена жить было не легко. Тяжело жилось народу въ то время изъ-за постоянныхъ войнъ и усобицъ князей, а также и изъза нашествій дикихъ половцевъ. Всѣ эти войны выгодны были только дружинникамъ княжескимъ, такъ какъ они получали отъ князя жалованье, а также города и области въ управленіе. Народъ же во время этихъ войнъ только разорялся: войны отнимали его отъ работъ, войны же заставляли платить князю большія подати, а половцы, пришедшіе изъ степей, грабили послѣднее его имущество. Деньги занимать у богатыхъ было трудно, такъ какъ надо было платить очень большой ростъ, или проценты. Отъ всего этого

умножались на Руси бѣдняки, которые не могли прокормить себя, и шли поэтому въ наемники къ богатымъ. Такіе люди назывались тогда „закупами“. Нанимаясь на работу къ кому-нибудь, закупъ получалъ отъ хозяина плату деньгами или натурой впередъ, за что и долженъ былъ отработать хозяину опредѣленное время. Всѣ припасы для работы получали они отъ хозяина. Положеніе закуповъ было не всегда легкое: законъ плохо защищалъ ихъ отъ хозяевъ, а хозяева, пользуясь этимъ, всячески тѣснили ихъ. Достаточно было закупу украсть что-нибудь на сторонѣ или убѣжать отъ хозяина, хозяинъ имѣлъ право обратить закупа въ холопы, въ рабство. А извѣстно, какъ тяжело быть рабомъ. Рабъ не имѣлъ никакихъ правъ: онъ не могъ быть свидѣтелемъ на судѣ; если ударитъ свободнаго человѣка, то его можно убить безнаказанно,— онъ былъ не человѣкомъ, а вещью: его можно было продавать, покупать, жестоко наказывать. Хозяинъ вообще могъ поступать со своимъ рабомъ, или холопомъ какъ ему угодно, не давая въ томъ никому отвѣта.

А въ то время легко было бѣдному человѣку попасть въ холопы. Должникъ, взявшій взаймы деньги и не уплатившій долга во-время, становился холопомъ; рабочій, укравшій или убѣжавшій отъ хозяина, не расплатившись съ нимъ, тоже обращался въ холопа.

О Владимирѣ Мономахѣ осталась память, что онъ всячески старался облегчить положеніе должниковъ, закуповъ, рабовъ, заступался за слабыхъ, сирыхъ и убогихъ, судьямъ и управителямъ не давалъ притѣснять народъ.

Не удивительно, что народъ любилъ его, и когда, въ 1125 году, семидесяти двухъ лѣтъ отроду, Мономахъ умеръ,—горе народа было велико. Дѣти его,

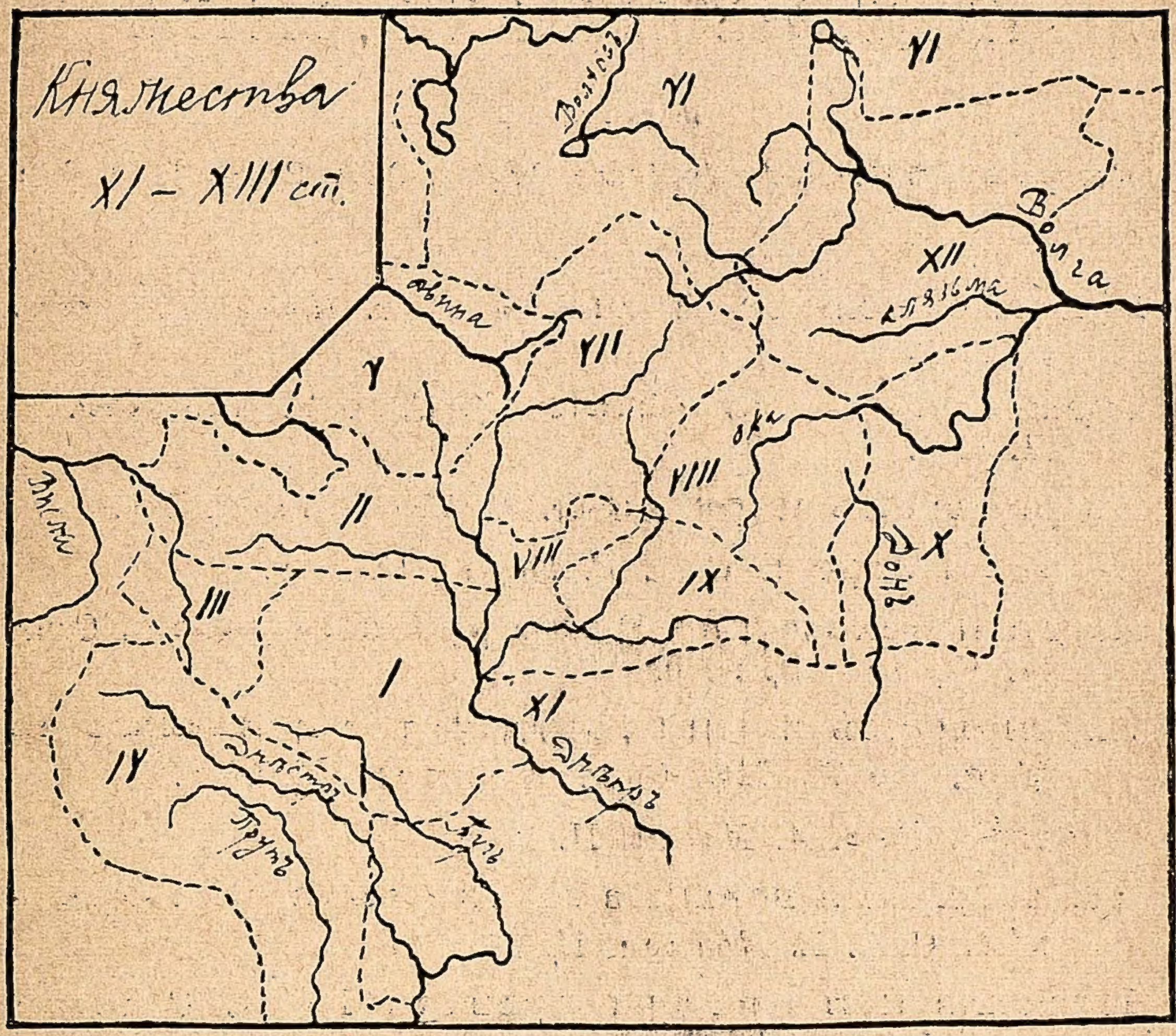
внуки и многіе другіе князья, при всенародномъ плачѣ, похоронили его въ кіевской соборной церкви св. Софіи. „О немъ плакалъ народъ,—записано у тогдашняго книжника-лѣтописца, — какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери. Свѣтился онъ на Русской землѣ какъ солнце. Слухъ о немъ прошелъ по всѣмъ странамъ. Врагамъ онъ былъ страшенъ, а дома былъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый труженикъ за землю Русскую“. Въ этихъ словахъ лѣтописецъ выразилъ заслугу Мономаха.

Долго вспоминалъ народъ „стараго“ Владимира. Когда одинъ изъ его внуковъ хотѣлъ итти войной на другого,—кіевляне сказали ему: „Князь, ты на насъ не сердись! А мы не можемъ поднять руки на Владимирово племя. Вотъ если бы на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми“.

Послѣ Владимира Мономаха опять пошли княжескія усобицы на Руси, опять половцы разоряли русскія земли, а князья не только не отбивались дружно отъ общаго врага, но многіе роднились съ половецкими ханами и вмѣстѣ съ ними водили орды кочевниковъ на землю князя-врага.

Черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Владимира пришли изъ степей новые враги — страшные татары. Князья встрѣтили ихъ каждый самъ за себя, не помогая другъ другу, и Русь подпала подъ владычество татаръ. Тогда не разъ пришлось предкамъ нашимъ вспомнить о времени Мономаха; оттого и память о немъ украшалась народомъ, и онъ ставился въ образецъ другимъ князьямъ.

Гос. Истор.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
193 г.



I. Кіевское.
II. Пинко-Туровскія.
III. Волынское.
IV. Галицкое.
V. Полоцкое.
VI. Новгородскія земли.
VII. Смоленское.
VIII. Черниговское.
IX. Сѣверское.
X. Рязанско-Муромское.
XI. Переславское.
XII. Ростовско-Суздальское.

КНИГИ, ВЫШЕДШІЯ ИЗЪ ПЕЧАТИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Общ. Распр. Техн. Зн.:

Будда, его жизнь и ученіе Сост. *Платонъ Лебедевъ.* Ц. 10 к.

Страна пирамидъ (Египетъ). Сост. *М. Мельгунова.* Ц. 10 к.

Въ римскомъ циркѣ. Сост. *Е. Мельгунова.* Ц. 8 к.

Персія и персы. Сост. *Е. Богрова.* Ц. 20 к.

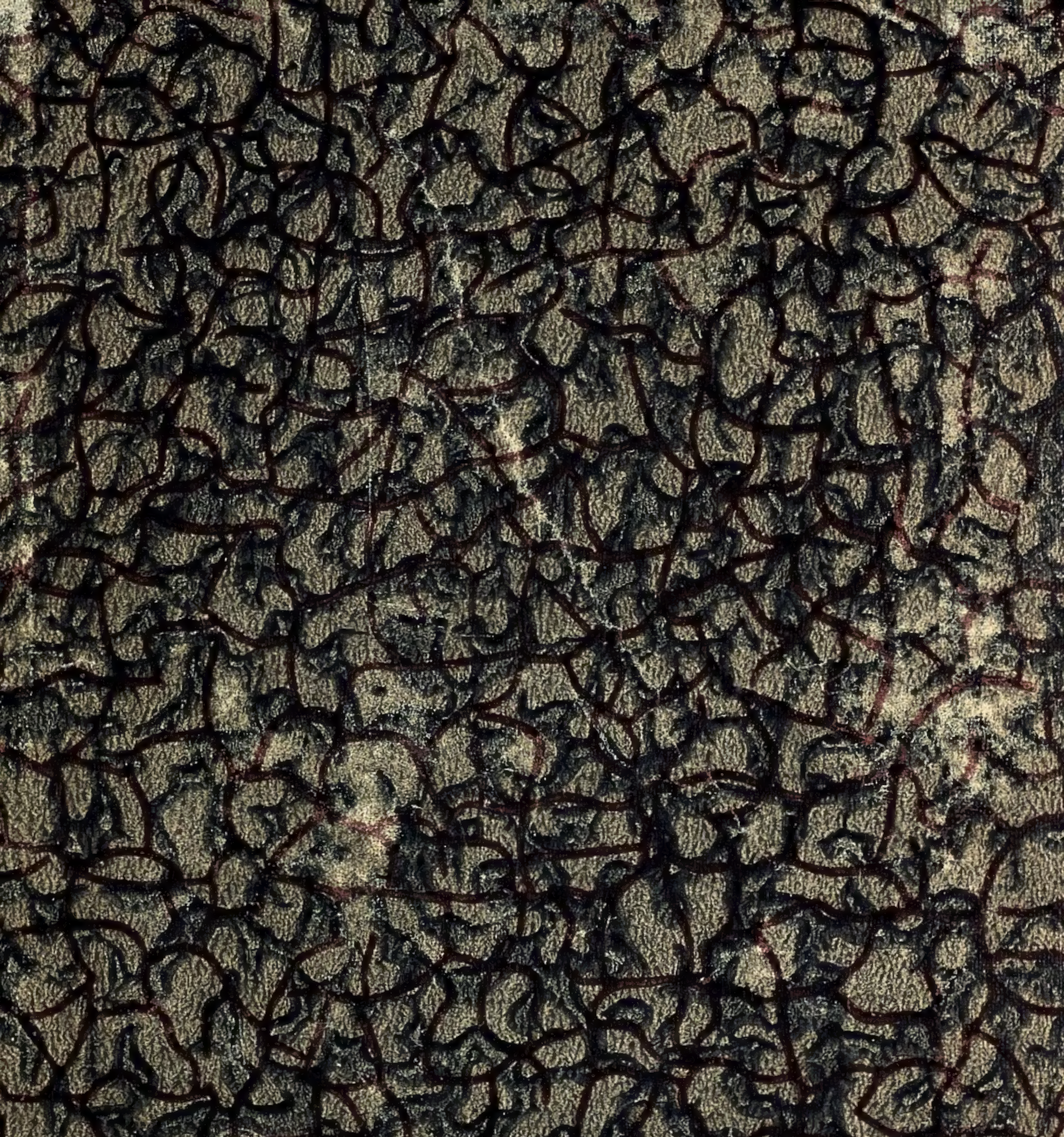
Когда и какъ стала Волга русскою рѣкою. Сост. *М. Черняева.* Ц. 20 к.

Картины изъ жизни государства аѳинскаго въ V в. до Р. Хр. Сост. *Т. Алабина.* Ц. 25 к.

Іезуиты. Сост. *А. Ильинъ.* Ц. 25 к.

Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи. Сост. *Е. Ефимова.* Ц. 25 к.

Торговля и промыслы древней Руси. Составилъ *В. Лабунскій.* Ц. 15 к.

Владимиръ Мономахъ и его время. Составилъ *М. И. Молчановъ.* Ц. 15 к.

Означенныя книги находятся въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.